

С О В А К А.

Васильев снова пошел в разведку. Проверил револьвер, вложил его в карман. На груди, на укос повесил автомат, всунул за пояс гранату. В сумку вложил кусок сала, хлеба, взглянул на карту, повторил сложную задачу, которая стояла перед ним, — и тронулся в дорогу.

Антон Данилович Васильев, еще два месяца тому ^{назад} директор московской десятилетки, теперь лучший разведчик части, неоднократно вел в тыл врага и возвращался в штаб с бесценным материалом. И теперь, когда на землю нисходил сыррой, осенний вечерний туман он ступал по влажной земле с какой-то гордой уверенностью. Два месяца! Когда он прощался с друзьями в школе, и с высокомерием заявил: "а я в строевую часть, на фронт", Вера Дмитриевна, шутя, сказала: ну, ты уж туда, наверно, не годишься, ты невиненский и сантиментальный преподаватель литературы — будешь воевать? Тебе малъ будет не то убитого человека, но даже каждой убитой собаки!'. Как же недавно тому назад он взволнованным голосом читал:

« Ночь сумрачной и дньюй —
Сни бездонной глубины —
Вредит призрак бледнолицкий
На полях моей страны.
И поля во мгле великой
Чужды, хладны и темны.

Нет, эти поля, эта степь украинская, которой шагал теперь одиночно Васильев, не чужда: сколько любви рассеяли на ней его ~~Фавариши!~~ Она не хладна, она согрета горячей кровью. И Антон Данилович начал мечтать: Месно смнчалась синяя мгла, а он в синеве видел сверкающие глаза ребят. Он снова вернется в школу и прочтет им снова:

«. И в полях мелькает много
Чистых девственниц весны.

880

Скоро снисходил осенний день августа. Вот Васильев уже на перекрестке дорог. Здесь надо повернуть в сторону, начинается лес, через опушку ведет уже крутая, лесная тропинка, здесь надо повернуть на вг. В синеве иголки почернели желтые листья, он ступает по ним вперед, и все мысли его обратились к шюле, о которой так долго не имел времени думать. Шюла вернулась в его сознание, как старая возлюбленная. В завесе мрака сверкали глаза его ребят...

- Вот тебе интеллигентина, о чем он задумался! - почти громко сказал Васильев и вдруг вздрогнул. В лесной тишине его уже уловило шелест листьев: несомненно, кто-то шагал, все ближе и ближе слышен был шорох. Васильев всунул руку в карман, до боли сжал рукоятку револьвера, глаза впятил в сумрак, сдержал отдых. Шелест слышен был уже совсем близко: кто-то шагает, будто приближается на цыпочках к нему. Не успел он еще принять решения, как почувствовал возле сапог какое-то тело, которое отиралось об его ноги. Шелест устал.

Васильев нагнулся, он увидел черный клубок. Свободной рукой он дотронулся до него и почувствовал махнату шерсть. Не успел он руку взять обратно, как по ней прошел влажный, теплый язык. Собака! Лохматая, бездомная собака, одна из многих, оставшихся в погорелых поселках, бродивших по дорогам. Копнуть ногой, пристрелить, быть может, - бешеная, - решил втремглаз разведчик. Но каким то бессознательным движением руки его полезла в сумку, он отломил кусок хлеба и приблизил его к черному пятну. Собака надно сквашила кромку хлеба.

- Ишь ты, голодная, бедняга, - улыбнулся Васильев и вновь бросил ей еще одну кромку. Потом вздохнул и пошел вперед. Он слышал, как вслед за ним по тропинке тянулась собака, и как-то веселее стало ему на душе. Здесь, в лесу он не один, с ним вместе какое-то живое существо. Васильев шагал все скорей, и от времени до вре-

Быстро — угасаю
~~Быстро — угасаю~~

осенний день августа. Вот Васильев уже на перекрестке дорог. Здесь надо повернуть в сторону, начинается лес, через опушку ведет уже крутая, лесная тропинка, здесь надо повернуть на юг. В синеве мглы почернели желтые листья, он ступает по ним вперед, и все мысли его обратились к школе, о которой так долго не имел времени думать. Школа вернулась в его сознание, как старая возлюбленная. В завесе мрака сверкали глаза его ребят...

— Вот тебе интеллигентина, о чем он задумался! — почти громко сказал Васильев и вдруг вздрогнул. В лесной тишине его ухо уловило шелест листьев: несомненно кто-то шагал, все ближе и лучше слышен был порох. Васильев всунул руку в карман, до боли сжал рукоятку револьвера, глаза ^{вперед} ~~вперед~~ в сумрак, ^{за} ~~вперед~~ ^{дыхание} ~~вперед~~. Шелест слышен был уже совсем близко: кто-то шагает, будто приближается на цыпочках к нему. Не успел он еще принять решения, как почувствовал возле сапог какое-то тело, которое отиралось об его ноги. Шелест ~~вперед~~ *с тих.*

Васильев нагнулся, он увидел черную клубок. Свободной рукой он дотронулся до него и почувствовал махнатов мерсть. Не успел он руку взять обратно, как по ней прошел влажный, теплый язык. Собака! Лохматая, бездомная собака, одна из многих, оставшихся в погорелых поселках, бродивших по дорогам ^{Голкино} ~~ноги~~ ^{ногой}, пристрелять, бить мотом, — бешеная, — решил втроеглаз разведчик. Но каким то бессознательным движением рука его полезла в сумку, он отломил кусок хлеба и приблизил его к черному пятну. Собака жадно схватив крошку хлеба.

— Нишь ты, голодная, бедняга, — улыбнулся Васильев и вновь бросил ей еще одну крошку. Потом вздохнул и пошел вперед. Он слышал, как вслед за ним по тропинке тянулась собака, & как-то веселее стало ему на душе. Здесь, в лесу, он не один, с ним вместе какое-то живое существо. Васильев шагал все сюррей, и от времени до вре-

мени останавливался, проверял, не изменил ли ему ночной спутник. Так прошло несколько часов, пока разведчик не решил остановиться. Надо было обогреться рассвета. Он нащупал пень, присел на нем, плотно застегнул шинель, возле него суежилась собака. Он приласкал ее рукою, она полезла ему на колени, и он почувствовал тепло ее тела, накрыл ее краем шинели. Была дождливая ночь, сквозь оголенные ветви виден был лишь черный покров неба, тревожно крутились на ветре осенние листья. И в спешном оном задремнул советский разведчик, а на его ногах уснула бездомная собака.

Сырое утро еще несмело разрывало завесы мрака, когда Васильев очнулся. Сивозь предраассветную мглу он увидел на своих коленях мохнатую шерсть рыжей масти, собака смотрела на него одним глазом, другой был покрыт бельмом. На лохмотьях шерсти висели куски засохшего белота, которое прилипло к ее волосам. Он не почувствовал к ней отвращения. Наоборот, он ласково сказал ей: "Пошли, одноглазая!" Но раньше, чем двинуться в дорогу, он бросил ей кусок сала. Одноглазая весело вильнула хвостом и в знак благодарности обтерла лбом его сапог. "Эй, ты, подхалимница!" - шепнул Васильев. Он знал, что между ним и собакой завязалась дружба, которую рождает одиночество.

Сюрми шагом, пробираясь сквозь деревья, Антон Данилович вышел на опушку. Впереди него тянулась голая, лобная поляна. Недалеко ~~на~~ расстоянии пол-километра видны были ^{первые} хаты селения. Разведчик взглянул на карту: с радостью заметил, что приближается к пункту, где сумеет выполнить доверенную ему задачу. "Ну, одноглазая, осторожно..." - отозвался он к спутнику, начал приближаться к селу. У края деревни он заметил сторбливую, ^и худощавую фигуру крестьянина. Он подошел к нему: это был старик, который что-то чинил возле плуга. Когда он поднял голову, Васильев заметил в его лице изображение испуга. Разведчик

мне останавливался, проверял, не имел ли ему ночной спутник. Так прошло несколько часов, пока разведчик не решил остановиться. Надо было обождать рассвета. Он надувал пень, присел на нем, плотно застегнул шинель, возле него суетилась собака. Он приласкал ее рукой, она полезла ему на колени, и он почувствовал тепло ее тела, накрыл ее краем шинели. Была дремливая ночь, сквозь оголенные ветви виден был лишь черный покров неба, тревожно крутились на ветре осенние листья.

Скоро утро еще незаметно разрывало занавес мрана, ~~мрака~~. Сидя ^{Васильев} сквозь предрассветную мглу ~~он~~ увидел на своих коленях мохнатую шерсть рысей шкуры, собака смотрела на него одним глазом, другой был покрыт бельмом. На локотках шерсти висели куски засохшей ~~шкурки~~ ^{шкурки}, которая прилипла к ее волосам. Он не почувствовал к ней отвращения. Наоборот, он ласково сказал ей: "Пошли, одноглазая!" Но раньше, чем двинуться в дорогу, он бросил ей кусок сала. Одноглазая весело вильнула хвостом и в знак благодарности обтерла лбом его сапог. "Эт, ты, подкалываешь" - шепнул Васильев. Он знал, что между ним и собакой завязалась дружба, которую рождает одиночество.

Скоро нагоняя, пробираясь сквозь деревья, Антон Данилович вышел на опушку. Впереди него тянулась голая, ледяная поляна. Недалеко ~~на~~ ^{первое} расстоянии пол километра видны были хаты селения. Разведчик взглянул на карту: с радостью заметил, что приближается к пункту, где сумеет выполнить ~~доверенную~~ ^{доверенную} ему задачу. "Ну, одноглазая, остережись..." - отозвался он к спутнику начал приближаться к селу. У края деревни он заметил сторбленную, ~~худощавую~~ ^{худощавую} фигуру крестьянина. Он подошел к нему: это был старик, который что-то чинил возле шуга. Когда он поднял голову, Васильев заметил в его лице изображение испуга. Разведчик

Разведчик весело сказал:— «Здравствуйте, как дела? Нет ли у вас в селе немцев?» Старик молчал. С изумлением Васильев убедился, что один глаз его закрыт бельмом. Его пожелтевшее, неморщинное лицо по-казалось ^{Васильеву} странно побледневшим. Старик устремил в него свой единст-венный глаз, в котором сияла хитрая улыбка, и ответил:— «И, това-риш, немцев тут не ма, их тут не було»—

— «Так можно спокойно войти в село?» — «Зовсім спокойно.

— как-то скоро ответил старик.— Тут в селі у нас тільки свої люди»...— «Это Дмитриевка?» — неохотливо спросил разведчик.

— «Да, це стара Дмитрівна. Тут німців нема и не було».

— Иворде повторил старик. «Странно!» — подумал Васильев —

В этом селе, по нашим сведениям, должен быть штаб немецкой дивизии. Нам видно кто-то ввел в заблуждение.

Он поблагодарил старика, пошел вперед, но, пройдя несколько де-сятков шагов, вдруг оглянулся. Старик исчез. Васильев дрогнул, свер-нул с дороги и начал осторожно идти возле заборов, окраинной деревни. Вслед за ним, виляя хвостом, крутилась собака. Вдруг он услышал за собой встревоженный голос женщины:

2

«Синюк, видкуди ти тут взявся? Тут німци, утинай!» Васильев увидел возле себя помятую крестьянку. Он не успел ответить, как кре-стьянка сказала: «Видно, швидю, заходи в хату, а то біда буде». Васильев перепрыгнул забор и вошел в хату. Вслед за ним воочила собака. Он рассказал крестьянке о разговоре с одноглазым стариком. «Рідний мій,— ответила крестьянка — це Вада, Вада, Семен Степанюк, мій сусід, він німцям служить. Поцадила его, куркуля, радцисна влада, рокім хитро притворился, а тепер своє обличчє показав, німцям псу-брат служить, все бреше, розповідає»...

Но успела крестьянка кончить, как дверь резко скрипнула, в хату

Разведчик весело сказал:— «Здравствуйте, как дела? Нет ли у вас в селе немцев?» Старик молчал. С изумлением Васильев убедился, что один глаз его закрыт бельмом. Его помятое, померцанное лицо показалось ^{Васильеву} странно побледневшим. Старик устремил в него свой единственный военный глаз, в котором сияла хитрая улыбка, и ответил:— «И, товарищ, немцев тут ~~нет~~^{есть}, их тут не было»—

— «Так можно спокойно войти в село?» — «Зовсім спокойно.

— как-то скоро ответил старик. — Тут в селе у нас только свои люди»... — «— Это Дмитриевка?» недоверчиво спросил разведчик.

— «Да, да стара Дмитриевка. Тут немцев нема и не было».

— Мворде повторил старик. «Странно!» — подумал Васильев — В этом селе, по нашим сведениям, должен быть штаб немецкой дивизии. Нам видно кто-то ввел в заблуждение.

Он поблагодарил старика, пошел вперед, но, пройдя несколько десятков шагов, вдруг оглянулся. Старик исчез. Васильев ⁶³ дрогнул, свернул с дороги и начал осторожно идти возле заборов, окраинной деревни. Вслед за ним, виляя хвостом, прутилась собака. Вдруг он услышал за собой встревоженный голос женщины:

2 «Синюк, видкуди ти тут взявся? Тут немци, утикай!» ¹ Васильев увидел возле себя помятую крестьянку. Он не успел ответить, как крестьянка сказала: «Звидю, звидю, заходи в хату, а то біда буде». Васильев перепригнул забор и вошел в хату. Вслед за ним всочила собака. Он рассказал крестьянке о разговоре с одноглазым стариком. «Ридний мій, — ответала крестьянка — це Іда, Дда, Семен Степанюк, ми сусид, він німцам служить. Покадила его, куркуля, радийона влада, ^{хитро} хитро притворился, а тепер своє обличчє показав, німцам псу-брат служить, все бреше, розповідає»...

Но успеха крестьянка кончить, как дверь резко скрипнула, в хат

вбежала девушка и не заметив Васильева, обратилась к крестьянке
 " Мама, мама, Степаненки снова здесь там нимцам разговаривает, вони си-
 дають на мотоциклах. " Вдруг, заметив советского разведчика, она
 удвоилась. Крестьянка взглянула на Васильева, одно мгновение она по-
 балася. " Катрина, - сказала девушке - шпидню, визьми его в кроват-
 ни, хай він там в сєно залези " Васильев ^{не} долго не думая, вшел во-
 лед за девушкой и скоро очутился в коровнике, забрался в юнну сєн
 Девушка хлопнула за ним дверь, закрыла. Антон Данилович залез глубо-
 ко в сєно: он почувствовал возле себя одиоглазую. Она может меня
 видать - подумал он, задунить ее? Но собака, как будто чувствуя всю
 опасность положения, смалася вся возле него. Разведчик приласнал е-
 и пошнуй: " Тихо, слєная, а то беда будет ". Он снял автомат и пригото-
 вился. Живьем его не возьмут. Он был странно спокоен и прислушивался
 к биению своего сердца.

Несколько минут прошло, а из села все приближались крики и шум
 моторов. Вот он слышит совсем четко немецкий разговор, с плачем что-
 то говорит крестьянка. Вот шаги возле коровника. Разведчик замер. И
 вдруг снова тишина, только издали слышен чей-то громкий разговор.

Долго, долго лежал Васильев в своем укрытии, возле него, как мер-
 ная, притаялась собака, в руке он сжимал рукоятку автомата. Внезапно
 отомкнули дверь коровника, послышалось мычанье коров и поше ^{молоч} молою
 в ведро. Это была Катрина. Девушка спросила: " Вы тут? "

* " Да, я здесь " - ответил разведчик. Она рассказала, что немцы
 расставили патрули, ходят по хатам, были у них в сарае. Мамаши привази-
 ла, чтоб он лежал, а то плохо с ним будет и спрашивает, не знает ли он
 Ивана Ивановича Гончаренко, это ее брат, сержант Красной Армии. Васи-
 лев ответил, что Гончаренко не знает, но что он, наверно, жив и здоров.
 Тогда Катрина заявила, что скоро ушли прищєет и что мамаши просит
 не курить, а то пожар может случиться. И наюнец, пусть он не думает,
 что в селе люди плохие. Этот Степаненки, шаривая овца. Она, Катрина,
 пионерка, здесь все ребята пионеры...

вбежала девушка и — не заметив Васильева, обратилась к крестьянке
 « Мама, мама, Степанов znovu ^шсь там наизнан разговора, вони си-
 дять на мотоцикла. — Вдруг, заметав советского разведчика — она
 удвоилась. Крестьянка взглянула на Васильева, одно мгновение она коле-
 балась. — Катрина, — сказала девушке — пидки, ^{визьми} его в кровать-
 чик, хай или там в сине зализ. — Васильев ^{не} долго по думой, вышел ве-
 лод за девушкой и скоро очутился в коровнике, забрался в юшку сена.
 Девушка ³²⁴ хлопнула за ним дверь, закрыла. Антон Данилович залез глубо-
 ко в сено: он почувствовал возле себя одностазу. Она может меня
 видеть, — подумал он, — задунуть ее? Но собака, как будто чувствуя всю
 опасность положения, смалась вся возле него. Разведчик приласнал ее
 и пощупал: «Тихо, оленая, а то беда будет». Он ^{сидел} автомат и пригото-
 вился. Ливьем его не возьмут. Он был странно ^{спокоен} и прислушивался
 к биению своего сердца.

Несколько минут прошло, а из села все приближалась кривая и шум
 моторов. Вот он слышит совсем четко вечерний разговор, с плачем что-
 то говорит крестьянка. Вот шаги возле коровника. Разведчик замер. И
 вдруг снова тишина, только надом слышен чей-то громкий разговор.

Долго, долго лежал Васильев в своем укрытии, возле него, как мери-
 ван, притаилась собака, в руке он сжимал рукоятку автомата. Внезапно
 отомкнула дверь коровника, послышалось мячанье коров и пошло молоко
 в ведро. Это была Катрина. Девушка спросила: « Ви тут? »

« Да, я здесь » — ответил разведчик. Она рассказывала, что немцы
 расставили патрули, ходят по хатам, были у них в сарае. Катрина приказав-
 ла, чтоб он лежал, а то плохо с ним будет и спрашивают, не знает ли он
 сына Иваныча Гончаренка, это ее брат, сержант Красной Армии. Василь-
 ев ответил, что Гончаренко не знает, но что он, наверно, ^{сидит} в аэрозе.
 Тогда Катрина заявила, что скоро ушли прикосоет и что мамаша просят
 не курить, а то пожар может случиться. И каю под, пусть он не думает,
 что в селе лядя плохо. Этот Степанов, паршавая овца. Она, Катрина
 пионерка, здесь все робита пионери...

Васильев успокоился. Вернулась к нему вера, что он выполнит порученную ему задачу. Когда Катрина принесла горячий утин, он ее попросил осторожно узнать, сколько немцев в селе, сколько в соседних селах, ^{на} ~~ка~~ у них ^{есть} ~~есть~~ оружие, нет ли танков, где здесь самолеты и вообще, куда двинутся войска. Все это надо ей незаметно выполнить. Катрина с гордостью обещала узнать все, что ей поручил. Она поел, погладил собаку и, когда девушка снова ушла, начал мечтать. Ему больно было, что его, разведчика, так обманул этот паршивый, одноглазый старик. Соловьи годами ели советский хлеб. И вот Васильеву показалось, что поля советские облиты теперь могучими волнами, что эти волны чистят и сметают с советской земли все болото и грязь... Он всегда болезненно страдал, когда узнавал о проявлениях измены, мерзости. Он знал, что эта великая отечественная война является великой проверкой людей, она обнаружит все чудное и гадкое...

И ^{успокоив} ~~успокоив~~ себя этими размышлениями, Васильев долго лежал с открытыми глазами.

^{На следующий день поздно утром}
 Когда Катрина принесла ему горячего молока и хлеба, она рассказала ему, что немцы избili Стоянова за то, что ^{он} ввел их в заблуждение: патрули сняты и мама сказала, что завтра к рассвету он сумеет выйти. Если он хочет переодеться, она ему привесет одежду Васи. А вечером привесет ему все нужные сведения, так как он приказал. Она послала даже одного надежного мальчишка в соседнее село ^{и там} он все разузнает. Васильев за одежду поблагодарил, и решил завтра с утра двинуться обратно.

Вечером, вместе с утином Катрина подала ему клочок бумаги и сказала: «Здесь ^я все точно написала. Вот мы с Петром все подсчитали, и в окрестностях. Войска идут на север, немцы будут там видны наступать».

Васильев заверил девушку, что об ее поступке ^{он} ~~она~~ ^{наверно} ~~наверно~~ знает будет Тимошенко, который расскажет о ней Сталину.

Так вот на третий день Васильев выбрался из коровника. Он так подружил^{ся} с "одноглазой", что она понимала каждое его движение. Он полз по пластунам возле забора, вслед за ним ползла собака. Так решил пробраться к первому кустарнику и там выбрать дальнейшее направление. Возле первых кустов он удобно расположился и начал осматривать окрестности. Над полем стоял туман. Сивозь мглу он заметил, как из хаты вышла сгорбленная фигура худощавого старика. Васильев дрогнул. Это он, Мда, Степанчик. Ходит, нечистый по советской земле. Он знал, что ему надо ~~чем~~ сюррей добраться в лес, что ему надо выполнить ~~чем~~ сюррей задачу, до наступления немцев. Он убеждал себя: — Эта сволочь — не твоё дело. С ними уже ^с рассчитаются партизаны, но какое-то чувство, сильнее его воли, приговало его к земле. Он лежал и наблюдал фигуру паршивого старика. Возле ^{Васильева} ~~Мда~~ лежала собака. Она смотрела на него верным взглядом, и напомнима ему тот, другой, хитрый, улыбающийся глаз. Вессознательно ^{Васильев} ~~Мда~~ начал целиться из автомата в фигуру старика, он сам не знал, ^{как} ~~как~~ случилось, и он опустил курок. Грянул ряд выстрелов. Степанчик упал на землю. Собака рванулась с места и побежала вперед, к телу старика. Не успела она добежать, как из хаты вышел немец и начал целиться. Выстрел в собаку упала. Васильев видел, как одноглазая начала пятиться к немцу назад. Он прижался к земле и зорю наблюдал. Надо выждать. К нему обливаясь кровью, ползла собака. Она взглянула на него своим жалостным взглядом как буд-то оминая помощи, но вдруг вытянулась и легла на спину.

"Померла" — решил разведчик. Надо было действовать. Он начал ^{двигаться} двигаться к лесу, осталось всего несюлько десятков шагов. Когда он очутился между деревьями и встал во весь рост, раздались крики и выстрелы взбешенных немцев. Они стреляли вслепую. Васильев побоялся. Он скоро продвигался в лесной гуще. Выстрелы становились все гуще

все дальше, где-то издавна слышен был шум моторов.

Надал осенний дождь, занимался день. Васильев точно определил дорогу. Сюрро вокруг него царил уже только тишина. Он несколько раз оглянулся назад, как будто ожидая, что вдруг увидит рыжую масть локштой, одноглазой, бездомной собаки. Вспоминал мертвое тело вытянутое под кустом. И вспомнилась ему улыбка Веры Дмитриевны, югда она сказала: "Ты sentimentalный, тебе жаль будет убитой собаки."

Далею за полдень он вернулся в свою часть. Он явился бледный, морщинный, измученный и полковнику и сдал рапорт о выполненной задаче. Он рассказал о девушке Катрине, которая ему принесла сведения. О старике и собаке он умолчал. Полковник читал бумажку, записанную детским почерком и сказал:

- Вот наши советские дети, вот колоды... И вы молодец Васильев...

Васильев не смотрел в глаза командира. Он нервно шарил ногой по полу и молчал. Острый глаз полковника заметил что-то, он сказал:

- Кажется, товарищ Васильев, вы что-то промолчали, вот расскажите подробнее... Как это вы с Катриной познакомились?

- Эх, полечка... - неохотно ответил разведчик.

- Однако, расскажите, - настойчиво сказал командир пристально смотря на Васильева. Разведчик молчал. Но югда полковник снова повторил свою просьбу, и те уже тоном приказа, он рассказал о старике. О собаке он молчал - это ведь только его личное так сказать интимное дело. Полковник выслушал внимательно рассказ, его лицо нахмурилось и югда Васильев окончил, он обратился к нему резким голосом:

- Вы-ответственный разведчик поступили как мальчишка... Вы, из-за непродуманного выстрела, в этого паршивца ^{молчи} ~~заставили~~ погубить себя, а самое главное, могли сорвать выполнение порученного вам задания. И ради какой-то сволочи, вы нарушили устав!

Васильев низко опустил голову. Он знал, что совершил в ~~пер-~~
вые за два месяца войны, ^{впервые} ~~впервые~~ в своей сознательной жизни нече-
душный, логвомисленный шаг. Он долго молчал, а потом ответил:

- Товарищ полковник, я как-то иначе не мог поступить...

- Ну, ладно, идите отдыхать - сказал полковник и резко похло-
пал его по плечу. - А этой сволочи не жалко: собаке собачья смерть!

Васильев вдрогнул. Он вспомнил снова своего верного спутника
и ему обидно было, до боли обидно за собаку. И долго не мог он ус-
нуть. Он видел перед собой хитрый, улыбающийся глаз Степанюка и вер-
ный глаз умирающей собаки.